

ЦЕРКОВЬ И ЕЁ СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ В РОМАНЕ ИРИНЫ САБУРОВОЙ «КОРАБЛИ СТАРОГО ГОРОДА»

В центре внимания исследования – роман Сабуровой «Корабли старого города». Данное произведение было опубликовано на русском языке только в 1972 году и относительно недавно, в 2005 году было издано в Риге, в издательстве «Даугава». Текст «Корабли старого города» был написан Ириной Сабуровой в период с 1947 по 1949 гг.; впервые роман вышел в 1950 году в переводе с рукописи на немецком языке. Как показано в статье, особое место в «Кораблях старого города» занимает образ Риги. Рига – любимый город автора и героини её романа, о котором она писала в чужой стране. «Корабли Старого города» Ирины Сабуровой, по признанию самого автора, – это *«единственный русский роман о довоенной, эмигрантской Риге 20-30-ых годов, о Риге, изведавшей войну, о городе у моря, куда волнами истории заносило разные народы, так что этот город становился их Судьбой»* [4, 596]. В статье рассматривается образ церкви в довоенной Риге и его сопредельные локусы (церквей, храмов: Иоганнес кирхе; Яковлевская кирха – церковь Якоба; синагога; старообрядческая моленная; церковь Петра, православные соборы, разбросанные по всей Риге), проанализировано то, как, в художественном творчестве русской эмигрантки Ирины Сабуровой рассматриваются сакральные образы церкви.

Образ рижской церкви отражает колорит города 20- 30-ых годов XX века, дает представление о «русской Балтике».

Ключевые слова: церковь, образ, Рига, корабли, праздники, знаки социо

¹ Кононова Наталья Викторовна, доктор филологии, Рижская основная школа имени Валда Авотиня – центр развития, преподаватель русского языка как иностранного, Рига, Латвия.

Несколько слов об авторе и её романе «Корабли старого города».

Ирина Евгеньевна Сабурова (1907-1979) – настоящая фамилия Кутитонская – родилась в Могилёвской губернии, потеряла родителей, после гражданской войны очутилась в Риге, в которой прожила до тысяча девятьсот сорок четвёртого года; репрессии не затронули её семью.

После второй мировой войны она эмигрировала в Германию.

Творчество Ирины Сабуровой стало известно широкому кругу читателей лишь в последнее время.

Её роман – это единственное произведение о довоенной Риге, «из жизни русской Балтики», впервые вышедшее на немецком и испанском языках. Только в тысяча девятьсот семьдесят втором году он появляется на русском языке. В две тысяча пятом году книга вышла в Латвии.

Сюжет романа развивается на фоне исторических событий, таких, как репатриация балтийских немцев, сороковой год, депортация сорок первого года, период немецкой оккупации.

Период советской власти также отразился в романе «Корабли старого города».

Роман «Корабли старого города», – как писал Юрий Абызов, – стал литературным памятником той Риге, которую мы потеряли, то есть довоенной Риге, Риге до тысяча девятьсот сорокового года [См.: 1, 550–561].

Довоенная Рига воспринимается сказочным, прекрасным городом как по сравнению с послевоенной Ригой, так и по сравнению с лежащими в руинах немецкими городами. Рига становится воплощением искусства, живописи. Главы романа повествуют о праздниках в довоенной Латвии. Особый акцент делается на праздниках Лиго и Рождества, во время которых город преобразуется до неузнаваемости, становясь почти сказочным.

«Город был построен католическим епископом на слиянии речонки Ризинг и Двины семьсот с лишним лет тому назад. Его строили дальше: орден, епископы, купеческие гильдии, шведские короли, русские цари. Ливы, немцы, шведы, латыши, русские. Рига – символ Балтики» [4, 17].

Довоенная Рига маркирована локусами церквей, храмов: Иоганнес кирхе; Яковлевская кирха – церковь Якоба; синагога; старообрядческая моленная; церковь Петра.

Петровская колокольня, актуализируя антитезу земля-небо, соотносится с такими природными стихиями, как вода и воздух, небо и море.

Православные соборы разбросаны по всей Риге: Ивановский собор, Покровская церковь, Александро-Невская церковь, Никольская, Троице – Сергиевский монастырь, Рижский Свято–Троицкий собор, Рижская Троицко–задвинская церковь, Вознесенская церковь Рижского латышского православного прихода, Рижская Покровская кладбищенская церковь, Рижская Всехсвятская церковь, церковь Усекновения главы Святого Иоанна Предтечи, церковь Святого Архангела Михаила, церковь Нерукотворенного образа Спасителя в Торнякалнсе, Преображенская церковь Святых новомучеников и исповедников Российских, церковь в честь иконы Пресвятой Богородицы «Одигитрия».

«Магазины прерываются <...> высокими стенами старинных кирок. Ранняя готика семисотлетнего собора, кружевные завитушки Иоганнес-кирхе, забрававший под самое небо золочёный петух Петровской колокольни. Она построена в три пролёта из крепчайшего дуба, с тремя куполами зелёной меди, и с неё видно море. Это – символ Риги, неотъемлемый знак, страж и покровитель.

Конвент Святого духа, позади неё, <...>. В Конвенте на стенах круглые потемневшие щиты с голубем, на кружевной воротник фонаря падает оранжевый свет» [4, 16].

Локус церкви – храма, сопредельный с ним образ Бога, церковная лексика занимают огромное пространство в романе Ирины Сабуровой.

Церковь – Дом Господень – всегда связан с идеей Бога, с идеальным, духовным, сакральным пространством. Церковь наполнена сакральным общением с Богом, значение которого в спасении человека, ибо сам Спаситель своим посещением рукотворного храма освящает его, указывая, что Дом Божий есть дом молитвы, воистину Святилище, в котором человек соединяется с Богом.

Церковь в романе – знак сакральной пространственной вертикали и часть городского пейзажа: *«На вокзальной площади стоит маленькая, мозаичная часовенка, похожая на золочёную шапку Мономаха. В те времена, когда поездка по железной дороге считалась ещё путешествием, провожающие заходили поставить в ней свечку, и не только православные» [4, 22].*

Церковь, храм представлены как локусы культур разных народов и верований интернационального города Риги. Для всех народов – это место молитвы, самоочищения.

Это и локус синагоги на Московском форштадте, имеющий сакральную коннотацию: *«Здесь есть большая синагога, куда приезжают по субботам на автомобилях наряженные, богатые*

евреи, а бедные не носят уже пейсов, но в шабес зажигают тоненькие свечи в окнах» <...>. «Здесь можно услышать много жаргонистых словечек, народный говор, не виртуозный, но сочный мат, хриловатый, с подмигиваниями. С библейской жестикующей, идиш» [4, 24].

На Московском форштадте есть и «старообрядческая моленная, с высокой, отовсюду видной золотоголовой колокольней. Есть и Фирсовская богадельня – унылое, мерзко пахнущее здание в жалком палисаднике – благотворительное наследство почтенного купца» <...>, «помадный ивановский собор с кладбищем» <...>, «несколько трогательных часовенок с вечно теплящейся лампадой в нише» [4, 23-24].

Отношение к религии Ирины Сабуровой однозначно: она ощущает потребность в беседе с Богом, признаёт существование Бога как высшего смысла Бытия. С этим связана и частотность употребления религиозной лексики, прежде всего частотность употребления сакрального образа Бога, корреспондирующего с мотивами веры, терпения, терпимости, надежды. «Джан особенно много думала в это лето. Почему приходится так мучиться? Почему именно ей не даётся самого крохотного удовлетворения, самой маленькой радости? Терпеть, и надеяться, и ждать. Всегда. Где же справедливость, и как же тогда – Бог? <...> Ожидание ответа стало поглощающим. Необходимость жертвы, искупления грехов, напряжения воли выросли в потребность». [4, 173].

«Но жалеть нельзя. Если делаешь добро, не нужно ждать, чтобы именно тот же человек отплатил за него. Это просто свеча, зажигаемая Богу» [4, 175].

«Господи, благодарю Тебя за все! Сохрани, Господи, счастье дому!» [4, 231].

И таких примеров множество.

Вера в Бога помогла Ирине Сабуровой, как справедливо считает Жан Бадин [см.: 3], пережить трагические события века, быстро адаптироваться к новым непростым условиям жизни, не терять надежду на лучшее и при этом сохранить умение радоваться жизни и просто улыбаться. И это, по мысли Ирины Сабуровой, не просто рецепт выживания, но и сохранение себя, своей духовной сущности. «В мире две есть важных вещи: сказка и улыбка, остальное можно сделать и придумать как-нибудь» [4, 190]. Героиня романа пишет сказку о кораблях Старого города, которые уходят в море в поисках счастья. Корабли старого города, это те корабли, которые жители Старого Города посылают раз в сто лет за счастьем. Мало кто верит, что корабли вернутся, но корабли на самом деле возвращаются, только

не через сто лет, а через двести лет. И корабли эти встречают уже не жители старого города, а новые люди, полные скепсиса и цинизма. Пьеса под названием «Корабли» была переделана и помещена в роман в виде новеллы.

Эта новелла помещена в первой части романа «Ра», сияющий Бог. В этой части романа Рига – счастливая и беззаботная, «Ра» – это увлечение театром главной героиней романа Надеждой Николаевной Грушевской, или Джан, носящей черты самой Ирины Сабуровой. Это – юность, это жизнь московского форштадта с её радостями и горестями. Муж героини романа – рижский карикатурист Борис Бей – Тугановский – прототип поэта Александра Перфильева, первого мужа Ирины Сабуровой. Вторая часть романа называется «Последние корабли» – из рижской жизни и жизни главной героини 20-40-ых годов двадцатого столетия. События по большей части вымышлены, но главное здесь – исторический фон. Третья часть «Звезда Давида» рассказывает о самых страшных годах – это приход немцев в Ригу, ужасы еврейского гетто, усилия и попытки людей выжить, при этом сохранив человеческий облик и достоинство. Последняя, четвёртая часть называется «Колокола» – это поминальные колокола по старой жизни, так как опять меняется режим, и люди попадают в жернова истории. В этой части романа рассказывается о начале второй мировой войны и приходе большевиков в Ригу. На этом прерывается повествование, главная героиня же покидает Ригу навсегда вместе с последними солдатами отступающей гитлеровской армии.

Сказочное и реальное в романе слито воедино. Чёрный в романе – сомнение и отрицание, Красный – грубо разрушающая сила, которая губит город. Святочный рассказ «Корабли», помещённый в роман, несёт в себе глубокий аллегорический смысл [см.: 5, 89-101].

Бог для автора романа – сакральный символ. Церковь – это собрание.

Косвенно обозначена пространственная вертикаль, устремлённость к небу, звёздам, духовности, чистоте помыслов, выявленная оппозицией: «низ – верх».

Примерами реализации компонента оппозиции «верх» являются также Рождественские праздники, Сочельник, Пасха, корреспондирующие с образом Бога чудом, сказкой.

Очень проникновенно Ирина Сабурова глазами своей героини описывает последнее мирное Рождество в Риге. Описанию этого праздника с неременной службой в церкви, писательница посвящает несколько ярких страниц. Перед нашими глазами проносится целая картина празднования Рождества: *«Вот медленно, поскрипывая валенками, позванивая бубенцами санок, шуриша золотыми*

и серебряными звёздами, подходит Рождество. Рождество в Балтике самый большой праздник, улыбчивый. Рождество в Старой Риге – стоит пережить. Начинается с адвентов» [4, 223]. И далее: «Торжественная служба в соборе», «И над городом – торжественный, гулкий перезвон церковных колоколен» [4, 231].

С праздником Рождества связано ожидание чудесного, исполнения заветных желаний. Обычно собирается вся семья в доме, и все счастливы: *«Но не было ни нищих, ни замерзающих мальчиков на ночных, совсем тихих улицах... Да, это было замечательное Рождество, и все так радовались, что, наконец, провели чудесно праздник – начало многих других. И никто не знал, что это было последним праздником в Старой Риге» [4, 233].*

Автору романа «Корабли старого города» важно передать ощущение затаённой радости, ожидания чего-то чудесного в канун Рождества, так как принято считать, что все заветные желания исполняются в этот Святой праздник.

Праздники Рождества и Пасхи помогают скрасить все жизненные невзгоды и неудачи.

Ещё несколько примеров из текста романа: *«Пасхальные витрины в Риге не менее нарядны, чем на Рождество. Везде зелень, цыплята, зайцы и яйца»; «дома зажигаются заправленные лампы»; «все красят яйца»; «готовят Пасхи»; «пекут куличи» <...>. Особенно «хороша заутреня в соборе»; «внятный голос произносит заповедные, ликующие слова: – Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, яко тает воск от лица огня!»; «Наперебой, весело и шумно трезвонит колоколья: – Христос Воскресе! Христос Воскресе» [4, 244, 245, 246].*

Примерами реализации компонента оппозиции «низ» являются следующие знаки социо:

Тысяча девятьсот тридцать девятый год. Привычный мир начинает рушиться с отъезда балтийских немцев. Начало паники: Советский Союз занимает на Балтике опорные пункты и морские базы; в газетах введена цензура, закрываются фирмы.

Все, кто мог, бросились записываться на репатриацию. Считали, что накануне войны Гитлер таким образом спасает своих соотечественников. Уезжали Ивановы, Семёновы, Берзини, Озолини. На пароходах увозили антикварную мебель родовых замков и банки с вареньем, так как в Германии сахар был по карточкам. Рига опустела. Многонациональная, мультикультурная Рига теряла свой облик.

Русские, среди которых были и белые офицеры, бежавшие от большевиков в Прибалтику, рассуждают в романе о возможных вариантах исторических событий: займёт ли Латвию Германия,

создадут ли из Балтики международный буфер – вторую Швейцарию, или присоединят к Скандинавии под шведский протекторат. Перспектива оказаться под СССР не прельщает [см.: 2].

Отношение к Советам у Ирины Сабуровой отрицательное. Это видно по описанию входа в Ригу советских войск. Цены подскочили в пять раз, золото подскочило в цене, магазины берут штурмом, сметая с прилавков и селёдку бочками, и туфли десятками пар; меняются редакции газет, переименовываются улицы, на улицах и возле церквей – облавы, начинаются аресты и так далее.

С приходом советских войск меняется и облик города, и облик храма.

В романе Натаном Иосифовичем задается вопрос: *«Разве христиане могут вести войны? А кто их ведёт?»* [4, 287].

«Советская артиллерия громит город. Немецкие сапёры закладывают подрывные мины в дома германских учреждений. <...> У византийского собора на Эспланаде купола обрушились набок, и крест валяется на земле» [4, 533].

«Горит Старый город. Рушатся дома. Бомбят сверху и взрывают снизу» [4, 534].

«На улицах появляются новые фигуры: женщины и дети советских командиров и служащих. Их можно узнать за версту. Женщины без шляп, все сплошь в дешёвых белых, давно уже не модных беретах, как в форме. Часто в мужских высоких сапогах, с усталыми, преждевременно постаревшими, серыми лицами. Квартиры, куда они въезжают, тоже сразу принимают жалкий и унылый вид. На громадных окнах висят мещанские тряпочки вместо занавесок, или вообще – никаких, в каждой комнате примус, на котором готовят и стирают, о ремонте никто не думает. Всё наспех, кое-как, случайно и по-нищенски <...>. Продукты и квартирная плата повышены вдвое, а об остальном нечего и говорить. Зато вдвое дешевле водка. Много пьют теперь в Риге» [4, 301].

Символ Риги – Петровская колокольня – сгорел.

В конце романа мы видим полуразрушенный город, который, совсем как человек, склонил свою голову: *«собор нагнулся, положив свои купола, как голову, на землю...»* [4, 535].

Храм, который разрушен в пьесе, под обломками которого умирает шут, и главный храм Риги как носитель духовности, её символ, сложивший голову, объединяются в единый образ.

В эпилоге Ирина Сабурова возвращается к теме Рождества. Героиня романа Джан в одиночестве встречает рождественскую ночь в крохотном домике на чужбине (сама же Ирина Сабурова

рождественскую ночь встречала под Мюнхеном, куда она пришла босая, пешком).

В гости к героине романа приходит маленький гномик. Они разговаривают о кораблях. Гномик исполняет святочное желание в этот таинственный вечер. Гномик рисует перед героиней картину Старого города и переносит её туда: *«Идёт снег, мягкий, неслышимый, ласковый, кружащий и скользящий, как воспоминание... Бимм!.. сверкающе взмывает радость. Бамм!.. кованая победа счастливой песни. Бомм! Благословенье всем...»* [4, 545].

И всё же чудо происходит: героиня в эту Рождественскую ночь возвращается в свой Старый любимый довоенный город Ригу.

Литература

1. Абызов Ю. И. Старый город – сказочный и реальный // Сабурова И. Е. Корабли старого города. Рига: Даугава, 2005. С. 550–561.
2. Александрова Юлия. Рига, которую мы потеряли [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.delfi.lv/arhive/print.php?id=12292324> (дата обращения: 11.09.2019).
3. Бадин Жан. Из Латвии в Германию. Тема эмиграции в творчестве И. Сабуровой [Электронный ресурс]. URL: http://www.russianresources.lt/arhive/Mater/Sabur_3.html (дата обращения: 11.09.2019).
4. Сабурова И. Е. Корабли Старого города. Рига: Латв. об-во рус. культуры Даугава, 2005. 591 с.
5. Фирсов Ярослав. Образ Риги в романе Ирины Сабуровой «Корабли Старого города» // Чинновский сборник – II. Русско-латышские литературные контакты. Вып. N 3. Daugavpils, 2008. С. 89–101 с.

REFERENCES

1. Abizov, Yu. I. The old city – fabulous and real // Saburova I. E. Ships of the Old Town. Riga: Daugava, 2005. P. 550–561.
2. Aleksandrova, Julija. Riga we lost. [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://rus.delfi.lv/arhive/print.php?id=12292324>
3. Badin, Jean. From Latvia to Germany. The theme of emigration in the works of I. Saburova. [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.russianresources.lt/arhive/Mater/Sabur_3.html
4. Saburova, I. E. “Ships of the Old City”. Riga: Daugava, 2005. 596 p.

5. Firsov, Jaroslav. The image of Riga in the novel by Irina Saburova “Ships of the Old Town” / Chinnovsky collection – II. Russian – Latvian literary contacts. Issue N 3. Daugavpils. P. 89–101.

CHURCH AND ADJACENT IMAGES IN I. SABUROVOY’S
NOVEL “SHIPS OF THE OLD CITY”

N. V. Kononova

Abstract

The article is devoted to the issue of the image of church and adjacent images in Saburovoy’s novel “Ships of the Old city”.

This novel was published in the Russian language only in 1972. And recently was republished by the publishing house Daugava.

The article is devoted to the issue of image of Riga 1920 – 1940 years.

Therefore, the novel about Riga written post factum is a kind of a result that managed to keep and to show the peculiar spirit, color of that time.

Keywords: church, Riga, ships, image, holidays, social signs

Поступила в редакцию 29.11.2019